Идущие порознь

Бывший советник президента России Андрей ИЛЛАРИОНОВ подводит итоги «удвоения ВВП» и размышляет о том, какие опасности грозят России и какие – персонально президенту в результате его грядущего «утроения»

Владимир АБАРИНОВ
Специально для «Совершенно секретно»

РИА «Новости»

Андрей Илларионов (слева) с апреля 2000-го по декабрь 2005 года занимал должность советника президента по экономическим вопросам. **«До тех пор, пока была возможность хоть что-то делать, включая – говорить, я считал важным оставаться здесь», – заявил Илларионов после отставки**

– Первый вопрос неоригинален: как вы комментируете смену главы правительства России и персональные назначения в Кабинете?

– Особо комментировать здесь не приходится. Люди, которые пришли в правительство, которые ушли из правительства, которые остались в правительстве, – многие из них люди очень достойные. Приличные, порядочные. Но наличие этих людей в правительстве или их отсутствие не ведет, как это ни печально, к изменению политики правительства, а точнее – к изменению политики власти. Прежде всего потому, что само правительство в нынешней России значит немного. Главное, что удалось сделать российской власти за последние восемь лет, заключается в том, что ей удалось разрушить институты российского общества и российской политической системы. Деинституализации, то есть ликвидации элементов системы как институтов, подверглись последовательно губернаторы в результате отмены их выборности, политические партии, парламент. Затем та же участь постигла правительство Российской Федерации и, как это ни покажется странным, администрацию президента. Про судебную систему даже говорить не хочу, с ней и так уже все ясно.

– Но каким-то образом система функционирует, решения принимаются…

– Принимаются, но не в результате и не на основании работы институтов. Собственно говоря, что мы видели на экранах телевизоров, когда сообщалось: машина Зубкова приехала в Кремль, Зубков привез список членов правительства, страна замерла в ожидании?.. Кто принимал решения по формированию правительства? Политические партии? «Единая Россия», которая, оказывается, как мы узнали недавно из различных заявлений, является направляющей и определяющей силой российского общества? Что, Государственная Дума принимала решение о формировании правительства? Совет Федерации? Это даже не смешно. Премьер-министр Виктор Алексеевич Зубков принимал какие-то решения о том, кто будет работать у него в кабинете? Сравните комментарии, которые Виктор Алексеевич сделал в первые часы и дни после своего назначения, с тем, что потом реально произошло.

Следовательно, чтобы понять, по каким причинам произведено то или иное назначение, принимается то или иное решение, необходимо анализировать не политическую систему, не экономическую систему, не политические процессы – необходимо быть психологом, который способен понять, какие мыслительные процессы происходят в головах ограниченного количества людей, облеченных полномочиями принимать эти решения. Это не работа для специалистов в области экономики, политологии или государственного управления, не предмет политических теорий или идеологических воззрений, не следствие успехов или провалов того или иного министра. Собственно, именно по этой причине большинству аналитиков, обозревателей, политических и государственных деятелей, которые вынуждены это комментировать, остается только разводить руками или говорить невпопад. Что мы и наблюдали в те два с небольшим часа, которые прошли между увольнением Михаила Ефимовича Фрадкова и выдвижением новой кандидатуры. Много было разных комментариев, но никто не назвал Виктора Алексеевича Зубкова. Тот факт, что абсолютно все провалились со своими прогнозами, и не за месяц, не за 10 месяцев, не за год до события, а за два часа до него, показывает, что никаких институциональных основ для выдвижения Виктора Алексеевича Зубкова нет. Значит, решения по поводу второго важнейшего лица в российском государстве принимаются на какой-то другой основе.

О вреде и пользе целования креста

– Но то, что нет публичных объяснений, еще не значит, что у решений нет рациональной основы вообще. Были же какие-то рациональные причины вдруг поменять правительство?

– Вот вы, собственно говоря, и ответили на свой вопрос. Рациональные причины, очевидно, были. Но в рамках рационального мышления есть решения институциональные и психологические. Вы правильно сказали: из того факта, что вопрос не был публично обсужден, еще не следует, что принятое по нему решение было немотивированным. Вот и получается, что публичные люди – причем самые важные публичные люди – назначаются по критериям, которые не являются публичными.

– А какая тут связь с выборами? Почему перед выборами надо поменять правительство?

– Вы помните, что говорил профессор Преображенский? «Не читайте советских газет». Не слишком доверяйте тому, что говорится публично. Что говорилось буквально за неделю до увольнения предыдущего премьера? Говорили, что структура правительства нуждается в существенном изменении и исправлении. И за десять дней, прошедших между увольнением Фрадкова и назначением нового Кабинета министров, многие стали искренне комментировать: да, действительно, вот здесь есть недостатки, давайте мы их поправим. И какой результат? Никакого. У нас министр обороны подал в отставку в тот момент, когда все правительство и так уже было в отставке. Он, видимо, во второй раз решил уйти в отставку. Человек, который сделал это, человек, который должен был принять или не принять отставку, человек, который рассказывал о том, какой доблестный поступок совершил министр обороны, – никто из них просто не знаком с российским законодательством. С момента увольнения премьер-министра весь Кабинет автоматически считается в отставке, его члены лишь исполняют обязанности до назначения нового Кабинета. Никакого отношения к законодательству этот шаг не имел. Попытка уйти в отставку, уже будучи в отставке, была совершенно очевидным пиаровским ходом. Но многие, кто услышал это сообщение, приняли все за чистую монету. И не только комментаторы со стороны, но и генералы стали наперебой строить предположения, кто бы мог стать новым министром обороны. Тем самым они показали, что не до конца понимают радикально изменившуюся природу российского политического дискурса. То, что публично заявлено, имеет к действительности очень отдаленное отношение. Не прошло и семи дней, как генералы поняли свою ошибку: тот же министр вернулся с новыми полномочиями. Помнится, у нас Иван Васильевич Грозный любил делать вид перед боярами, что он совсем плох, на грани смерти, а сам с большим интересом наблюдал за их поведением…

– Однажды как будто действительно чуть не умер и перед смертью призвал бояр, потребовав принести на кресте присягу своему сыну. А для русского православного человека того времени целование креста было очень серьезным поступком. Многие отказались…

– И это показывает, что люди, не имеющие моральных ограничений, пользуются политическим преимуществом перед теми, у которых такие ограничения есть. Люди, которые верят в святость целования креста, это люди с элементами институционального поведения. А для людей, у которых нет ничего святого, не существует ничего, чего нельзя было бы преступить, если надо. У людей, для которых нет ограничений, несопоставимо большее число уровней свободы. Они, естественно, будут выигрывать, потому что у них есть публичные методы и непубличные, открытые и закрытые. А у тех, кто действует в соответствии с какими-то принципами – моральными, политическими, идеологическими, – действия оказываются существенно ограничены. И в такой борьбе они обречены на поражение.

Под «крышей» государства

– Недавно министр иностранных дел России Сергей Лавров опубликовал статью, где пишет, что расширение государственного контроля над экономикой – глобальная тенденция, которая приходит на смену произволу транснациональных компаний, и что Россия в данном случае просто следует этому прогрессивному тренду. Строго говоря, в США ведь тоже есть государственные компании – компания пассажирских железнодорожных перевозок «Амтрак», Федеральная почтовая служба…

– Г-ну Лаврову просто кажется, что таково направление мыслей российского руководства. В чем он, конечно, глубоко ошибается. Установление так называемого государственного контроля над экономикой в России – это же не национализация. Это не имеет никакого отношения к процессам, происходящим в реальной российской экономике, в российском государстве, российской политической власти. А людям с левым мировоззрением это представляется осуществлением их идеала возвращения государства в экономику. Это не государство приходит в экономику. Это бандиты приходят в экономику. Большая разница. Даже если эти бандиты имеют государственное прикрытие.

– Существуют ли в российском правящем классе, среди людей, принимающих решения, различные экономические воззрения? Я имею в виду тех, кто исповедует какие-то экономические теории, верит в существование объективных экономических законов и пытается согласовать свои действия с этими законами…

– Если бы были, то должно было быть какое-то подтверждение наличия такого подхода. Мы вот видим – есть одна группа, связанная с одной частью власти, есть другая группа, связанная с другой частью, есть третья группа, связанная с г-ном Чубайсом, которая под себя подгребает ресурсы российской электроэнергетики. Последняя группа сейчас

ЮРИЙ МАРТЬЯНОВ/КОММЕРСАНТ

«Складывается впечатление, что сотрудники милиции, ОМОНа не знают Конституции, не знают Уголовного Кодекса, – заявил Андрей Илларионов (на фото в центре) после «Марша несогласных» 14 апреля 2007 года. – Главными нарушителями российского законодательства сегодня являются власти...»

занимается приватизацией энергетических объектов – продает их по заниженным ценам. Спрашивается, с какой стати объекты, которые можно продавать за 100 процентов их стоимости, продаются за 50 процентов?

Что касается других людей, то вот, к примеру, Герман Оскарович Греф. Он был в свое время членом советов директоров, по-моему, в 43 разных компаниях. Для того чтобы даже просто физически несколько раз в год в течение одного часа присутствовать на заседаниях советов директоров этих компаний, это сколько ж времени надо! Не говоря уже о том, что надо ведь и заглядывать в документы, понимать, что там написано, собирать дополнительную информацию, читать ее и принимать осмысленные решения. Поэтому мне лично неизвестно, по какому экономическому вопросу идут дискуссии внутри российской власти. Как использовать средства Стабилизационного фонда, то есть как его лучше распилить? По этому поводу идет интенсивная борьба. Но она не связана с экономическими воззрениями, она связана с личными интересами. Эта борьба идет достаточно давно. Все в ней участвуют. Не имеет значения, какой пост занимает человек – почитай и послушай внимательно, что он говорит, и становится ясно, к какой партии он принадлежит. Вот, например, Егор Тимурович Гайдар. Очень известный человек, бывший премьер-министр, экономист, либерал и демократ. Весной этого года он выступил с целой серией статей по вопросу об использовании средств Стабилизационного фонда. Он начал с того, что делить Стабфонд ни в коем случае нельзя, это неправильно. А в конце концов сказал, что его надо взять и отдать на финансирование государственной пенсионной системы. То есть, начав с опровержения и критики всех тех, кто осмелился поднять руку на Стабфонд, он в конечном счете сделал то же самое. Только в гораздо худшем варианте, потому что таким образом не только уничтожаются средства Стабфонда, но еще и сохраняется государственная пенсионная система, которую давным-давно надо было бы закрыть. Возвращаюсь к вашему вопросу: какие у нас есть взгляды, позиции, имеющие отношение к экономической науке? Не вижу их.

Нефть на долгие времена

– И все же существуют обстоятельства, не зависящие от российской власти, с которыми ей необходимо считаться. Ну, скажем, проблема исчерпаемости минеральных энергоносителей...

– Что касается нефти, то в течение последних 30-40 лет постоянно звучат катастрофические предсказания, что энергетические ресурсы скоро закончатся. Это происходит начиная с первых докладов Римского клуба, то был 1970 год. За это время стало ясно, что сегодня объем разведанных энергетических ресурсов больше, чем он был в 1970 году. Произошло многократное увеличение объемов доступных ресурсов.

AP

AP

Слева: родственники 118 моряков подводной лодки «Курск», затонувшей в Баренцевом море в августе 2000 года, бросают цветы у места трагедии. Связь с лодкой была потеряна 12 августа. 21 августа стране объявили о гибели экипажа. На следующий день президент Путин вылетел в Североморск

AP

AP

Справа: на развалинах бесланской школы №1, захваченной боевиками 1 сентября 2004 года. В результате штурма с участием спецподразделений армии и ФСБ погибли 317 заложников, в том числе 186 детей. Вверху: 16 августа 2005 года, Владимир Путин пробует себя в качестве пилота

Сегодня, в 2007 году, мы гораздо дальше от исчерпанности ресурсов вообще и исчерпанности энергетических ресурсов в частности, чем 40 лет назад. Что касается России, то для нее нефть и газ – это надолго. Большие ресурсы энергии в виде нефти и газа нам в ближайшие десятилетия гарантированы.

– Вы согласны с тем, что США разворачиваются в сторону альтернативных источников энергии?

– Знаете, на моей памяти за последние восемь лет, в течение которых цены на нефть растут, много было сказано о будущем развитии альтернативных источников. Разговоров много, но пока цены на нефть растут. Я столько видел прогнозов, предсказывающих падение цен на нефть! Причем прогнозов, подготовленных очень авторитетными, серьезными людьми. У альтернативного топлива появится будущее, когда издержки на его производство окажутся ниже, чем издержки на добычу нефти. Когда это произойдет, никакого Конгресса не потребуется, никаких бюджетных ассигнований, никаких мер по стимулированию производства. В эту отрасль пойдет массовый поток частных инвестиций, и вопрос решится сам собой.

– Вы, я вижу, сторонник максимальной дерегуляции экономики?

– Ну, строго говоря, вся мировая экономическая история, весь мировой прогресс, и не только экономический, но и общественный, обусловлены дерегуляцией и свободным рынком. Когда появлялись разнообразные регулирующие методы, это лишь замедляло процесс, если не отбрасывало назад, как это произошло в Советском Союзе.

Рубль – он только в России рубль

– Много циркулирует разговоров о том, что, поскольку средства Стабфонда размещены в западных банках и вложены главным образом в американские государственные бумаги, то, дескать, и нынешнее руководство России в кармане у американцев…

– Ну, во-первых, средства Стабилизационного Фонда действительно инвестированы в американские казначейские облигации, в государственные ценные бумаги ФРГ, и, по-моему, сейчас они диверсифицировали портфель в государственные ценные бумаги некоторых других развитых стран. Это действительно так. Как раз если бы это было не так, если бы они были инвестированы в России, то был бы повод обвинять людей, которые предложили и сделали это, в преступных действиях. Единственный вариант – конечно же, вкладываться в зарубежные ценные бумаги, а не в национальные. В этом, собственно, и заключается принцип минимизации рисков. Что же касается страхов по поводу того, что средства Стабфонда находятся в руках американцев и немцев, то людям, испытывающим подобные страхи, я рекомендовал бы просто ознакомиться с базовыми понятиями права собственности. В отличие от Ливии, Ирана, Кубы или Северной Кореи, в США и Западной Европе право собственности воспринимается очень серьезно.

– Но ведь тот факт, что деньги вложены в американские бумаги, означает, что правительство США взяло их в долг и тратит по собственному усмотрению…

– Да, конечно. Эта наличность передана правительству Соединенных Штатов для финансирования его собственных операций. Но тот, кто профинансировал сделку, имеет на руках соответствующие долговые расписки, казначейские бумаги, по которым получает от правительства Соединенных Штатов твердый гарантированный процент. Поскольку ликвидность этих бумаг в нынешнем мире наивысшая, в любую секунду они могут быть проданы, и мы получим ту же самую наличность по цене, которая сейчас господствует на рынке. Тот факт, что все консервативные инвесторы, включая центральные банки и правительства, вкладываются в американские ценные бумаги, в немецкие ценные бумаги, в японские ценные бумаги, свидетельствует, что среди возможных альтернатив эти бумаги расцениваются как наименее рискованные и наиболее надежные. И это обоснованная оценка. Кредитная история правительства США несопоставима с кредитной историей правительства РФ. Бесконечное число девальваций, конфискаций, денежных реформ разного рода уничтожили то доверие к нашей национальной валюте, которое было в 20-е годы прошлого века или до того, в царские времена. Чтобы восстановить это доверие, надо просто небольшую кредитную историю заработать. Примерно такую же, какую имеет доллар США, – 200 лет после последней гиперинфляции. Человек, который придет в банк с долларом, выпущенным сколь угодно давно банком Федеральной Резервной системы, получит в обмен легальное платежное средство, которое обращается сегодня. Чего невозможно сделать с рублем, выпущенным не только в начале XX века, но даже до 1997 года. Этот рубль никто не примет.

– Все-таки кредитная история России улучшается. Например, с долгами она расплатилась…

– Это разные вещи. Доверие к национальной валюте обусловлено политическим решением властей о свободном обмене купюр или монет, выпущенных когда бы то ни было, на те денежные знаки, которые в ходу сегодня. Ни советское, ни российское правительство подобных решений никогда не принимало. Более того, вы хорошо помните, как проходили все эти девальвации и обмены…

– О так называемом павловском обмене мы, помнится, узнали по телевизору в девять часов вечера, за три часа до того, как деньги перестали принимать к оплате. Бежать за покупками уже было поздно…

– Эта реформа названа павловской ошибочно, ее подготовил и провел Виктор Владимирович Геращенко, а премьер-министр Валентин Сергеевич Павлов лишь объявил о ней с экранов телевизоров. Виктор Владимирович – умный человек. Он повторил эту историю в июле 1993 года, устроив конфискационную реформу с теми же самыми результатами. В 1997 году новый руководитель Центрального Банка, Сергей Дубинин, ввел в обращение новые банкноты с деноминацией.

Иными словами, какие бы лица ни находились в российской власти, их объединяет недоверие к собственной денежной единице. Сами не доверяют, но требуют доверия от всех остальных. Российские граждане, наученные горьким опытом, им не верят и правильно делают. И потому до тех пор, пока не будет принято обязательство уважать собственную валюту, рубль останется несопоставим ни с долларом, ни с евро, ни с японской йеной, ни даже, не побоюсь сказать, с китайским юанем. Хотя юань еще не полностью конвертируем, но уж по крайней мере последние несколько десятилетий китайские власти вели себя очень аккуратно с национальной валютой. Не случайно хранение и накопление китайских юаней за пределами Китая растет гигантскими темпами, в то время как нет ни одного ненормального за пределами российской территории, кто бы открывал счета в российской валюте и накапливал бы российские средства, будь то в наличной или безналичной форме.

В долгах, как в шелках

– Что такое совокупный долг российских компаний и как он связан с разговорами о возможном новом дефолте России?

– Это разные проблемы. Дефолт это объявление банкротства. Что касается возможного дефолта российского правительства по его обязательствам, то нет никаких индикаторов того, что в ближайшее время это ему грозит. С макроэкономической точки зрения ситуация с финансами, с бюджетом Российской Федерации очень хорошая, возможно, лучшая за последние пять с лишним столетий. Это следствие двух взаимосвязанных факторов. Во-первых, беспрецедентно благоприятна для российской экономики внешнеэкономическая конъюнктура. И, во-вторых, проводится весьма консервативная макроэкономическая политика, сформированная в значительной степени в то время, когда я еще находился в российском правительстве. К этому приложили усилия многие люди, включая, естественно, нынешнего министра финансов Кудрина и, об этом надо обязательно сказать, президента Владимира Путина. Обеспечить сохранение жесткой макроэкономической политики без твердой приверженности этой политике главы государства в президентской республике, каковой является Россия, невозможно. И то обстоятельство, что Путин хорошо это понимает и сам лично обеспечивает эту макроэкономическую стабильность – конечно, один из факторов относительного успеха.

Это что касается потенциального государственного банкротства. Что же до частных компаний, то все зависит от того, как частные компании заимствуют, сколько они заимствуют, где они заимствуют, на какие сроки, под какие процентные ставки, под какие инвестиции, для чего они это делают, насколько это все просчитано. Сейчас накопление внешнего долга российскими компаниями, как частными, так и государственными, идет очень быстрыми темпами. Лидируют тут, конечно, государственные. Их долговые обязательства нарастают фантастическими темпами, причем полученные средства, судя по всему, не инвестируются в добычу, в производство, а направляются лишь на приобретение новых активов. Это один из самых варварских и опасных методов использования одолженных средств. Такая политика не может продолжаться вечно, рано или поздно эти компании окажутся не в состоянии расплачиваться со своими долгами, им будут отказывать в предоставлении кредитов и займов для рефинансирования их долга. И тогда встанет вопрос, кто будет кредитором последней инстанции. У меня плохое предчувствие, что в конечном счете взоры обратятся к российскому бюджету, в том числе к Стабилизационному фонду. И средства Стабфонда, которые сейчас удерживаются и охраняются от разных поползновений с разных сторон, в конечном итоге будут использованы для покрытия убытков низкокачественного менеджмента в российских государственных корпорациях.

– Насколько серьезно Европа настроена в отношении допуска одной из таких госкомпаний, Газпрома, к своим внутренним сетям?

– Это у Европы надо спрашивать. У них позиция, насколько я понимаю, сформирована. Они готовы действовать на условиях reciprocity (взаимности, равноценных уступок. – В. А.). То есть допуск к активам в Европе Газпром получит после того, как российские власти предоставят европейским компаниям доступ на российский рынок. Поскольку Россия вышвырнула многие зарубежные компании из нашего энергетического сектора, довольно странно ждать, что российским компаниям, особенно государственным, Европа даст зеленый свет.

– Для такой позиции политическая воля нужна. А в Европе что-то не видно особо сильных лидеров…

– Европа сильна не лидерами, Европа сильна институтами. Сильные лидеры появляются тогда, когда институты слабые. А когда институты сильные, на сильных лидеров, собственно, и спроса нет. Как только появляется в Европе сильный лидер вроде Николя Саркози, он тут же вступает в конфликт с европейскими институтами. Европейская бюрократия очень медленная, в чем-то даже социалистическая, склонная к регулиро-

МИХАИЛ РАЗУВАЕВ/КОММЕРСАНТ

ДМИТРИЙ АЗАРОВ/КОММЕРСАНТ

Андрей Илларионов: «Ни один из членов правительства не смог объяснить, что закон о монетизации льгот действительно правильный и необходимый. Есть множество людей, которые обязаны давать разъяснения по долгу службы. Они этого не сделали. Потому-то закон и был реализован столь бездарно, нелепо»

ванию, но зато очень мощная как институт. Если европейская бюрократия принимает решение, то, каким бы оно ни было, правильным или неправильным, перебороть его трудно. Что видно на примере хотя бы Киотского протокола. Это плохое решение, очевидная глупость, противоречащая и экономическим законам, и законам природы. Но когда железные задницы из Брюсселя начинают заниматься глупостями, в результате они подминают кого угодно. Подминают неслабую Россию, и Россия подписывает самоубийственный Киотский протокол. Подминают неслабые Соединенные Штаты, и в результате позиция нынешней администрации относительно Киотского протокола меняется чуть ли не на противоположную. Они сейчас занимаются Китаем, и, хотя Китай тоже неслабая страна и неслабая бюрократия, тем не менее и Китай уже дрогнул. Если европейская бюрократия принимает решение, что reciprocity будет последним рубежом, я плохо себе представляю, кто способен добиться его отмены. С институциональной точки зрения Европа сейчас выглядит сильнее кого бы то ни было.

Приглашение к катастрофе

– Мы возвращаемся к теме, которая оказалась в нашем разговоре сквозной: институты против людей…

– Конечно. Сильные, развитые, мощные институты несравнимо сильнее каких угодно самых мощных людей. И поэтому уничтожение институтов в России будет иметь для страны серьезные, катастрофические последствия. Никакие сильные лидеры не в состоянии компенсировать то, что дает институциональная система. А главный результат восьмилетнего господства нынешней модели политической власти – ликвидация институтов современного государства и современного общества. Поэтому перед нами лежит полоса кризисов, а возможно, и гигантская катастрофа, описывать которую сейчас не имеет смысла, она может придти откуда угодно. Развитые институты – инструмент самосохранения общества и государства. Ликвидация системы защиты и самосохранения означает приглашение к катастрофе.

– В Кремле это понимают?

– Что значит «понимают»? Вы же следили за тем, что происходило в течение десяти дней после назначения премьер-министра и до формирования правительства. У них даже мысли об этом не возникало. Их интересовало только: кто останется на посту, кто не останется. Какие институты? Это совершенно другое мышление.

– Но все-таки одно дело психология временщиков – мол, демократия хорошая вещь, но не для России, на наш век хватит, а другое – действительно глубокое, искреннее неприятие демократических ценностей…

– Вы знаете, что они там думают наедине с самими собой и какой кукиш держат в кармане, не имеет никакого значения. Сравните Конституцию с реальной жизнью – у нас минимум 50 статей нарушено. Причем важнейшие статьи – о правах и свободах гражданина, об организации государственной власти, о президенте и так далее.

– Какие права, например, нарушены?

– На неприкосновенность жилища, на свободу передвижения по стране, на свободу выезда. Вот г-н Каспаров решил слетать на самолете в Самару – мы видели, как он слетал. Я лично ходил по Тверской улице Москвы 14 апреля 2007 года. Незабываемые впечатления. Это не Грозный, не Назрань, где власть местного президента распространяется только на дневное время суток. Это Москва, столица страны. Никакой власти в городе не было. Город был отдан на растерзание бандам в омоновской форме, которые нападали на людей, в том числе на тех, кто не имел никакого отношения к «Маршу несогласных». На моих глазах нападали на мужчин, на женщин, на детей, на девчонок, которые сидели на скамейке, читали книжки…

– У ОМОНа был приказ…

– Какое это имеет значение? Бандиты тоже нападают по приказу, но от этого они не перестают быть бандитами. Что на них форма, тоже не имеет значения. Бандитское поведение не связано с тем, есть на тебе форма или нет. И таким образом, мы возвращаемся к главному тезису: важнейшие институты в данном случае – это гражданские права и свободы. Я уже не говорю про политические права – право избирать, быть избранным. Мы видели, как г-н Рыбкин пытался участвовать в президентской кампании или г-н Глазьев. Дело не в том, согласны мы с их взглядами или не согласны. Они могут реализовать свое конституционное право на выдвижение и участие? Никаких иллюзий на этот счет нет.

– При разгоне «Марша несогласных» применялись, насколько я понимаю, законы, принятые Думой в установленном порядке, – об оперативно-розыскной деятельности, о борьбе с экстремизмом…

– Если принимаются бандитские законы, это еще не значит, что я должен с ними соглашаться. В Советском Союзе тоже законы принимались, а в нацистской Германии были законы, что евреи – существа низшего сорта. На каком основании участников Лондонского экономического форума не пустили в Лондон? Вообще никаких никто приказов не отдавал. Стоило только из-за кремлевской стены сказать: «Ваше участие в форуме нежелательно», – и ни один из десятков людей, которые собирались туда поехать и даже уже приехали, на форуме не появились. Страна парализована страхом: отберут компанию, отберут бизнес, придет налоговая инспекция, придет прокуратура, откроют дело… Какой суд, о чем вы говорите после басманных приговоров! Человек с некоторыми ресурсами и некоторыми возможностями пытался противостоять этому правосудию, и оказалось, что он никто. После того, как Ходорковский проиграл дело, и его осудили, по-моему, абсолютно незаконно – повторяю, это мое мнение: абсолютно незаконно, я был там, слушал, знаю дело – после того, как он проиграл, какие надежды у кого бы то ни было в нашей стране выиграть суд?

Междусобойчик-2008

– Что будет в 2008 году?

– С постом президента? Это мелкий технический вопрос.

– То есть?

– Возможности оказать какое-либо воздействие на принятие решения в 2008 году равны нулю не только у подавляющего большинства населения страны, но и у высших органов власти. Большинство населения – это люди, чужие этой власти. Вопрос будет решаться между своими. Чужим власть не отдадут. И если это так, то, собственно говоря, нет никакого резона тратить силы, ресурсы и время, чтобы каким-либо образом это заранее узнать или угадать. Пусть свои и беспокоятся.

– Свой-то он свой, но где гарантия, что тот, кому достанется власть, сохранит лояльность?

– Никто таких гарантий никогда не давал. И в этом заключается крупнейшее и глубочайшее противоречие нынешней ситуации. Ликвидация любых институтов современного общества и государства приводит к тому, что уходящему президенту – если он действительно собирается уходить – не за что зацепиться с точки зрения защиты своих интересов, просто даже своей безопасности. Потому что он ликвидировал все. И он не имеет оснований верить кому бы то ни было, поскольку ни одного института, защищающего уходящего президента, в России не существует. ■

Вашингтон

Сам у себя в заложниках

Так как свое интервью Андрей Илларионов дал корреспонденту «Совершенно секретно» до решения Владимира Путина возглавить «Единую Россию» на декабрьских выборах, мы позволяем себе опубликовать отрывок из другого интервью бывшего советника президента в качестве его комментария к последним событиям

Владимир Путин очень неглупый человек, я даже больше того скажу, он умный человек, но он сделал очень много серьезных ошибок. Ошибок не только для страны – ошибок для самого себя… В силу тех решений, которые были приняты им, он оказался в положении заложника. И в положении заложника вместе с ним оказались все мы…. Это опасная ситуация, потому что человек, обладающий практически абсолютно неограниченной властью и находящийся в состоянии заложника, может быть вынужден принимать решения, расплачиваться за которые придется всей стране. Мне кажется, что поначалу Владимир Путин серьезно собирался ограничить свое пребывание во власти двумя президентскими сроками. Однако некоторое время тому назад, мне кажется, это было в декабре прошлого – январе нынешнего года, он принял другое решение и стал постепенно готовить условия для того, чтобы остаться во власти. А власть такая вещь, что однажды оставшись в ней на третий или какой-либо другой срок, ты вынужден оставаться навсегда. Не уйдя сегодня, Путин обрекает себя и, конечно, всю страну на совершенно непредвиденные тяжелейшие последствия.

Судя по тем решениям, которые лихорадочно принимаются в течение последних нескольких недель, кажется, что уже ничто его остановить на этом пути не может. ■

«Эхо Москвы» 8.10.2007

ДМИТРИЙ АЗАРОВ/КОММЕРСАНТ